

Инициация и мифы

инициация и мифы. Инициация (И.) (лат., initio «начинать, посвящать, вводить в культовые таинства», initiatio, «совершение таинств, мистерий»), переход индивида из одного статуса в другой, в частности включение в некоторый замкнутый круг лиц (в число полноправных членов племени, в мужской союз, эзотерический культ, круг жрецов, шаманов и т. п.), и обряд, оформляющий этот переход.

Иногда — в узком смысле — переход в число взрослых, брачноспособных. Обряды И. также называются переходными или посвятельными обрядами.

В отличие от многих других обрядов (см. Обряды и мифы) И. включает в себя миф, как составную часть: во время обряда неофиту сообщаются мифы племени, которые может знать только взрослый или специально посвящённый. С другой стороны, многие мифы имеют явные черты сходства с обрядом И., его структурой и символикой, строятся по той же модели, что и обряды И. Особенность структуры этих обрядов — их трёхчастность: все они состоят из выделения индивида из общества (так как переход должен происходить за пределами устоявшегося мира), пограничного периода (длящегося от нескольких дней до нескольких лет) и возвращения, реинкорпорации в новом статусе или в новой подгруппе общества.

При этом И. осмысливается как смерть и новое рождение, что связано с представлением о том, что, переходя в новый статус, индивид как бы уничтожается в своём старом качестве; налицо также мифологическая интерпретация пространства: выход за пределы замкнутой территории, освоенной общиной, приравнивается к смерти. Отсюда важнейшая в героических мифах и волшебных сказках, воспроизводящая ритуальную схему И. часть сюжета — испытания, которым герой подвергается в царстве мёртвых или на небе (где живёт солнечный бог, у индейцев часто отец героя или всеобщий «великий отец», подобный Байаме или Дарамулуну австралийских племён, — установитель и патрон обрядов И.), или в другой стране, населённой злыми духами, чудовищами и т. п.

С этим же связан мотив проглатывания героя чудовищем (изначально — тотемным животным) с последующим его освобождением из брюха чудовища, также отражённый

сказкой и мифом, ср. и мотив пребывания группы мальчиков во власти демонической лесной старухи. Подобную символику И. можно найти в североавстралийских мифах о сестрах Ваувалук, сына одной из которых проглатывает и выплёвывает радужный змей, или о старухе Маутинге, из живота которой вырезают проглоченных ею детей.

Аналогичные рассказы служат объяснительными мифами к И. у индейцев-квакиутль и во многих других архаических обществах. Пребывая в чреве чудовища или в контакте с лесными демонами (т. е. после выделения из коллектива и возвращения в него), герой тем самым демонстрирует свою стойкость, приобретает духов-помощников, магические (шаманские) силы, власть над стихиями, а в мифах о культурных героях добывает людям космические объекты или культурные блага, уничтожает чудовищ, мешающих их мирной жизни.

Известную связь с И. имеют и обычные указания на повышенный эротизм героя (знак его силы и знак достигнутой зрелости), который иногда принимает деструктивный характер насилий или кровосмешения. Инцестуальные действия (см. Инцест) могут быть использованы в сюжете мифа и как мотивация временного изгнания героя из социума, трудных задач, поставленных ему отцом (невыполнение должно привести к его смерти).

В связи с И. трактовал изгнание Эдипа В. Я. Пропп. На инициационный характер испытаний героя указывает тот факт, что гонителем очень часто оказывается родной отец — солнечный или иной бог, жестоко испытывающий своего сына и, казалось бы, стремящийся его извести, в конце концов мирящийся с сыном или побеждаемый им.

Смерть культурного героя часто мыслится как неокончательная, остаётся надежда на возвращение из царства мёртвых, оживление в будущем. В этом случае можно говорить о «подразумеваемом» воскрешении, сопоставимом с И. Возможна также связь с И. мифов об умирающих и воскресающих богах (Осирисе, Адонисе и т. п.), хотя следует учитывать разницу между инициационным и инкарнационным сюжетами (в первом человек уходит в тот мир и, приобретя что-то, возвращается «к нам», во втором — персонаж из иного мира приходит «к нам», теряет нечто и возвращается в тот мир).

Вообще мотивы, связанные с И., можно найти практически в любом сюжете, включающем момент «становления» героя, т. е. начинающемся с его рождения или детства. Целый ряд больших эпических текстов объясняется в связи с И. — в узком смысле (например, «Махабхарата», во всяком случае основоположная для ее сюжета

тема изгнания пандавов) — или в более широком (ср., например, трактовку «Одиссеи» или мифа о Гильгамеше как сюжета шаманской И.).

Однако связи И. с мифом этим не исчерпываются. Так, И. в некоторых чертах воспроизводит космогонические мифы, поскольку выведение иницируемого индивида за пределы социальной структуры для совершения перехода подразумевает определённую степень расшатывания этой структуры, внесение некоего «возмущения» в нормальное состояние коллектива и последующее возвращение к нормальному существованию по завершении обряда.

Как показал современный мифолог М. Элиаде, И. воспроизводит ситуацию возникновения хаоса и нового творения из него упорядоченного космоса (ср. частые случаи демонстративного нарушения запретов и других норм социального порядка в начале ритуала). Сопоставление мифа с И. обладает значительной объяснительной силой.

В частности, И., возможно, объясняет распространённый и в сказках, и в мифах так называемый юниорат, т. е. предпочтительность младшего героя: с точки зрения И. только младший и может быть героем, так как для него возможен переход в статус старшего, стало быть, то нарушение устоявшейся ситуации, которое и создает сюжет. Более общее значение имеет сходство самих структур И. и мифа, эпоса и волшебной сказки.

На основе этого сходства был сделан ряд попыток распространить сопоставление на другие повествовательные жанры, в том числе и не фольклорные. Если для одних случаев [например, текстов, прямо ориентированных на И., как «Золотой осел» Апулея (посвящение Исида), или типологически сравнимых с И., как «Божественная комедия»] это сопоставление имело непосредственный смысл (ср., возможно, и европейский роман воспитания с его обязательным путешествием), то для других оно должно рассматриваться лишь как совпадение универсалий повествования.

Видимо, И. действительно содержит модель всякого повествовательного текста (например, выделение индивида из коллектива может лежать в основе самого понятия героя, уход и возвращение — через волшебную сказку — стали рамкой для большинства сюжетов, характерный ритм потерь и приобретений также обнаруживается во многих жанрах). Поэтому необходима известная осторожность и в сопоставлениях мифов с И.,

Инициация и мифы

Автор: admin

06.11.2011 02:38 -

так как есть опасность принять за содержательное и специфическое сходство, возникающее лишь из общих законов повествования. Литература: Ксенофонов Г. В., Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов, 2 изд., М., 1930; Пропп В. Я., Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946; Лотман Ю. М., О метаязыке типологических описаний культуры, в кн.: Труды по знаковым системам, т. 4, Тарту, 1969; Мелетинский Е. М., Поэтика мифа, М., 1976; Eliade M., Rites and symbols of initiation; the mysteries of birth and rebirth, N. Y., [1965]; Gennep A. van, Les rites de passage, P., 1909; Turner V. W., The ritual process, Harmondsworth, [1974].